Лит. Россия — 1990, — 30 марта (№ 13), — с. 21

В 1985 году в Московский театр имени М. Н. Ермоловой пришел новый режиссер, художественный руководитель Валерий Фокин. Молодой, энергичный, деловой. Он обещал любить театр, привлечь к нему внимание публики, растерянное в предыдущие годы, программой «повышенной социальной чувствительности». «Повышенная социальная чувствительность» выразилась вниманием к публицистике: спектакль «Говори...» пользовался успехом. Тогда же началась история превращения Театра имени М. Н. Ермоловой в Культурный центр.

«Идея» Культурного центра регулярно проявлялась в разного рода интервью с Фокиным и до недавнего времени все казалось «идеями». В театре понимали, что речь идет о собирании вокруг него культурных сил, о выстраивании художественной программы театра, о реконструкции здания с целью улучшения условий для творчества актеров и радости публики. Никто и не думал возражать против Культурного центра: было объявлено о создании при театре лаборатории современной драматургии и режиссуры, устраивались встречи с критиками, активно стал работать театральные музеи, был проведен на базе театра фестиваль молодых студий, «под крышу» театра была принята студия М. Цитриняка, а теперь — А. Левинского. Заговорили о «свободной сцене» со «свободной труппой». Все, казалось бы, шло нормально. Чем не культурный центр?

До самого последнего времени никто не знал, кроме, пожалуй, экспертов Союза театралов и деятелей и В. Фокина, реальной картины движения «идеи». Не знали, что уже уплачено 20 тысяч за объемный том «Градостроительно-средовой концепции развития многофункционального театрально-культурного центра на базе Театра имени М. Н. Ермоловой», снабженный чертежами, планами и пояснениями на английском языке для иностранных фирм, которые будут осуществлять данный проект: «Kremi», «Gorki-street», «Hotel Ermolova».

Помните, а где же театр? И какая «фантазия» так высоко воспарила, что имя великой трагической русской актрисы присвоено отелю?

Вытеснение театра было постепенным, и миролюбивая «идея» Культурного центра, невинная реконструкция приобрела иные очертания. От культурного центра — к международному; от него — к гостинично-театральному комплексу и отелю «Ермолова». В подобном развитии «концепции» есть жесткая логика: «повышенная социальная чувствительность» привела от публицистики к направлению «на коммерцию» — к совместному торговому предприятию...

Свой уход из «Современника», где В. Фокин был очередным режиссером, он объяснил совсем недавно желанием «звестности собственное дело». Вот и «заводит» он «дело» на базе Театра имени М. Н. Ермоловой. Но ведь этот театр — не частная собственность актеров СТА и В. Фокина. И позволите уж не согласиться с «перестройкой» вб под международный отелю, торгово-промышленное предприятие. Впрочем, В. Фокина можно понять — сама цель неумолимо требует от него уничтожения театра. «Собственное дело»

и коммерция на дух не переносят искусства.

Сочинители и разработчики названного выше «градостроительного проекта-концепции» полагают преобразование Театра имени М. Н. Ермоловой «естественным», «неизбежным», «долгожданным» (?!). Суть тут на «искусственно торможение развития и обновления градостроительной системы Москвы»? Вот уж чего не скажешь, если толкаешь своею концепцию! Сплотный проект, оказывается, обеспечит «создание принципиально нового образа общественного центра, элементом которого является театр».

ТОРГ ЗА КУЛИСАМИ

Какая великолепная и роскошная картина открывается взору вокруг «элемента» — театра! Тут все будет переделано и застроено сверху донизу. На крыше театра работает круглосуточно кафе. Да и в другое время не одно, а несколько кафе предоставлены публике. Не хотите идти в кафе — пожалуйста в видеосалон, в кинозал, в экспресс-кино. Для любителей рока — рок-клуб; для любителей танцев — танцзал. К вашим услугам рекламное бюро, выставка-продажа антиквариата. А ларьков и торговых точек — просто не перечесть, ибо «театр», по проекту, должен расширить зону воздействия вплоть до улицы — театриализовать нашу с вами жизнь. Для того и придумали видеотеатр и театр-кафе. Для того и построят многозальный театральный комплекс — большой демонстрационный зал, малый демонстрационный и зал для любительского театрального студий. Чур! Чур! Даже слова «зрительный зал», «сцена» неприятно консервативны для такого сверхсовременного проекта! Какая бы вроде разница: «демонстрационный зал» или «зрительный зал»? Но разница есть: Чехова и Достоевского нельзя демонстрировать в демонстрационном зале. Такой зал все-таки пригоден для

пресс-конференций и демонстрации шоу, демонстрации мод.

Малый демонстрационный зал — это, надо полагать, опираясь на интервью В. Фокина, и есть «свободная сцена» со «свободной труппой».

Не успели представить Валерия Фокина как гуманного и интеллигентного художественного руководителя («Театральная жизнь», № 1, 1990), гуманность которого проявилась в том, что он, придя в театр, «ничего не съел», как сам Фокин стал жаловаться на доставшуюся ему в наследство труппу, мешающую осуществлению его больших планов. Ему нужна «свобод-

ная труппа» — контрактная — на спектакль, на одну роль.

Мое глубокое убеждение — социальный и экономический контекст пока не дает реальной возможности существования контрактной системы без унижения актера, без усугубления его социальной незащищенности. Естественно, Фокин думает иначе. В международном культурно-театральном центре, где «элемент» — театр будет окружен барами, кафе, торговыми точками, где театр станет обслуживающим и прислуживающим посетителям, — в таком центре труппа Фокину не нужна, она попросту мешает ему. Труппа — всегда сложная семья. И в семью, чтобы держать ее здоровой телом и духом, глава семьи нужно много отдавать; выращивать, возиться с каждым, пестовать. Этого-то Фокину как раз и не нужно. Он не строит театр-дом. Он делает культурно-развлекательный центр; направленность на коммерческий спрос неумолимо преразрывает и режиссера Фокина в режиссера-потребителя. Проще взять «готового» артиста с именем, а вместо капризной труппы-семьи сработать конвейер «звезд». Модель уже была опробована в спектаклях «Спортивные сцены 1981 года»...

По нынешним временам «свое дело»

как-то не мыслится без международной инициативы. Так и перестройка Театра имени М. Н. Ермоловой делается с оглядкой на «мировую практику». Гостиницу, офисы, пресс-центр, кафе с варьяте, кино-бар, ресторан на валюту задумано построить для проявления международной инициативы вокруг «элемента» — Театра имени М. Н. Ермоловой. Особая секретность в данном пункте проекта настораживает — кто и как будет пользоваться международными контактами? Снова «под себя», снова «для московской элиты»?

Тако, без огласки ведется работа по осуществлению проекта — назначаются совещания на высоком уровне, платятся деньги, а простакан-непосвященным объясняется, что проект — это так, «фантазия». И в то же время настойчиво вбивается мысль, что культурный, гостиничный комплекс уже «формируется в недрах самого театра».

Кому-то кажется, что культурно-гостиничный международный центр — это лучше, чем обыкновенный театр. Современное, комфортное. Кому-то ведь и казалось, что «расстрел Кремля», очистка территории под Дворец съездов — тоже лучше и современнее. Так почему же снова одни «идеи», проекты осуществляются за счет разрушения другого, ставшего исторической театралью ценностью? Почему же все должны одинаково восторженно относиться к коммерческому бульварному театру? Почему. Не уясним смысла и содержания дела, раздуются миллионы? На чьи деньги будет строиться центр? На деньги Союза театралов деятелей — то есть на средства нищих актеров России?

Одна итальянка, узнав, что и у нас, «как у всех», есть пенис-колла и реклама на улицах, стала плакать, няньная! Теперь же у нас, «как у всех», будет коммерческий развлекательный центр. Инофирмам, с которыми якобы уже подписаны контракты на его строительство, конечно, нет никакого дела до Театра имени М. Н. Ермоловой. Так что же все-таки будет — Театр имени М. Н. Ермоловой или Hotel «Ермолова»?

К. КОКШЕНЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ:

В № 12 «Литературная Россия» рассказала читателям о той неблагоприятной ситуации, которая складывается вокруг Большого театра в связи с неулучшими усилиями его руководства войти в «деловую» контакт с зарубежными спонсорами. И вот новый сигнал: под тем же благоприятным знаком — «всего от этого только лучше будет» — делаются попытки стереть с театральной карты столицы один из старейших театров — имени М. Н. Ермоловой. Похоже, что разговор на тему распродажи нашего, как сегодня принято формулировать в официальных бумагах, интеллектуального достояния — не только не окончен, растет уверенность, что он только-только разворачивается. Об этом же свидетельствуют лачка писем, лачкаций и страстных воззваний, которые привнесли в редакцию из Ермоловского театра в последние время. «В структуре этого коммерческого предприятия Театр имени М. Н. Ермоловой, как таковой, отсутствует», — пишут члены совета трудового коллектива театра в Верховный Совет СССР, председателю Комитета по науке, культуре и образованию тов. Рижкову Ю. А. «Вместе с тем среди гостиничных валютных номеров, ночных писем, лачкаций и страстного гаража на 122 машины, названо, валютных видеосалонов, видеонаблюдений и т. д. обозначена «театральная зона» с тремя сценическими площадками, не пригодными для работы драматического театра... Что касается репертуара, творческой жизни коллектива, уже продрана большая разрушительная рана — продолжают авторы письма. Это дает основание члену руководящего комитета «традиционный театр изжил себя и не рентабелен. На лето 1990 г. намечается прекращение работы труппы в нынешнем здании и его разрушение».

Есть ответ из МГО ВООПИК, подписанный первым заместителем председателя президиума этой организации. В нем, в част-

ности, говорится: «Просим направить в наш адрес для согласования проект Задания на реконструкцию и приспособление здания-памятника с прилегающей застройкой, а также другие проектные материалы — согласно статье 40 Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Вот и Закон дана есть».

И, наконец, совсем свежий документ — «Резолюция собрания коллектива Театра имени М. Н. Ермоловой». О начале страстей в театре говорит такая деталь: собрание было начато 20 февраля, продолжено 14 марта, а завершено 19 марта, когда 58 процентов от состава собрания 20 февраля. Так вот, дело. Резолюция этой главной режиссер не слышала, ушел, хлопнул дверью, до окончания собрания, да еще и свет приказал вырубить в помещении...

Сегодня мы наконец-то вслух признали, что да, большинство может заблудиться, а меньшинство — быть право. Вот только очевидным это, как правило, становится лишь по прошествии времени. Но для чего тогда нам даны язык и уши? Не для того ли, чтобы убеждать и слышать точку зрения оппонента?

Пока же Театр имени М. Н. Ермоловой в спешном порядке закрыли на ремонт. Надолго ли?

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ «ЛР»